
Особенности национального рэкета: история и современность

Ю.В. ЛАТОВ

В статье рассматривается роль института нелегальной защиты прав собственности в развитии постсоветской России. Автор дает комплексный анализ нелегальной правоохранительной деятельности в разных ее аспектах. Дана характеристика функции организованной преступности как теневого правительства, когда именно рэкет-бизнес является ее исходным криминальным промыслом. Экскурс в дореволюционную историю показывает, что элементы феномена «оседлого бандитизма» наблюдались в России еще в XVI—XVII вв. В статье рассматриваются различные нелегальные и легальные (но не государственные) системы защиты прав собственности в России 1990-х годов, прослеживается их эволюция, сравниваются их достоинства и недостатки.

Криминализация российской постсоветской экономики сделала общепринятым утверждение, будто Россия превратилась в «мафиократию», при которой власть уголовной организованной преступности заменяет и вытесняет официальные государственные структуры, а российская экономика превращается в экономику рэкета. Подобная рэкетизация рассматривается как один из главных барьеров экономического развития. Чтобы разобраться в том, в какой степени «русская мафия» в ходе рыночных реформ брала на себя экономические функции «теневого правительства» и насколько успешно их выполняла, надо сначала выяснить, свойственны ли вообще мафии такие функции.

Мафия и рэкет — близнецы-братья

Изучение организованной преступности как экономического феномена началось еще в 1960-е годы, когда возникло новое направление неинституционализма — экономическая теория преступности (economics of crime), особым разделом которой стала экономическая теория организованной преступности (economics of organized crime) [Эндерсон 1997; Латов 1997; Айдинян, Гилинский 1997; Экономическая теория преступлений 1999; Economics of Organized Crime 1995]. Экономический анализ показывает, что организованная преступность является неоднозначным явлением, в нем определенным образом соединяются

признаки сразу трех институтов — фирмы, государства и общины. Для изучения нашей проблемы наиболее важна вторая ипостась мафии.

Преступное сообщество как теневое правительство. Профессиональная преступность столь же стара, как и цивилизация. Примерно такой же возраст имеет и организованная преступность: пиратские флотилии и разбойничьи банды встречаются уже на самых первых страницах истории. Однако современная организованная преступность, возникшая примерно век тому назад, имеет принципиальные отличия от преступных организаций доиндустриальных обществ. Возникновение организованной преступности современного типа — это качественно новый этап развития преступного мира. Если «архаичные» бандиты являлись маргиналами, аутсайдерами общества, то деятельность современных мафиози строится в основном по законам бизнеса, а потому мафия стала довольно органическим институтом рыночного хозяйства.

Но деятельность тех преступных организаций, которые считаются типичными для организованной преступности (мафиозные «семьи» Италии, якудза в Японии, китайские триады и др.), отнюдь не сводится к нелегальному предпринимательству. Все эти мафиозные организации существовали еще до того, как сформировались современные нелегальные рынки (рынок наркотиков, «живого товара», оружия, антиквариата, угнанных автомашин и т. д.): если рынки нелегальных товаров стали складываться только после Второй мировой войны, то почти все знаменитые мафиозные ассоциации (за исключением американской «Коза Ностра») активно действовали по меньшей мере с середины XIX в. Превращение преступных сообществ в подобию легальных фирм соответствует, очевидно, достаточно высокому уровню их развития. На ранних стадиях мафиозные организации играют роль, скорее, своего рода теневых правительств. Впоследствии эти черты сходства заметно ослабевают, но полностью не исчезают. Чтобы доказать это, рассмотрим рэкет-бизнес, с которого, как правило, и начинается история любой мафиозной организации.

Рэкет — это сбор гангстерами «дани» под угрозой причинения физического и имущественного вреда. Собирая дань, преступная организация обычно гарантирует обложенным «данью» предпринимателям защиту от вымогательств других преступных групп или преступников-одиночек. Чтобы гарантировать стабильную плату, рэкетеры стремятся брать на себя роль верховного арбитра в спорных ситуациях, связанных с имущественными спорами между своими клиентами (долговые обязательства, исполнение контрактных соглашений).

Занимаясь рэкетом, преступная организация продает услуги по защите прав собственности — защите от всех криминальных элементов, в том числе и от членов данной организации. Правоохранительные услуги всегда относят к числу общественных благ (public goods), производство которых является монополией государства. Поэтому развитие рэкета следует рассматривать как форму *криминального политогенеза*, создания теневого эрзац-правительства, конкурирующего с официальным правительством. *«Мафия выполняет функции правительства (исполнение законов и криминальное судопроизводство), — пишет по этому поводу известный американский экономист-криминолог Э. Эндерсон, — в той сфере, где законная судебная система терпит фиаско в осуществлении своих полномочий» [Эндерсон 1994].* Выполнять функции криминального правительства, которое берет на себя организацию «теневого» правосудия, по

Особенности национального рекета: история и современность

силу не преступникам-одиночкам и не мелким конкурирующим бандам, а только крупным организациям, действующим долгие годы*. Кроме того, возникает необходимость в постоянной координации действий различных преступных организаций с целью предотвращения взаимных столкновений из-за спорных территорий. Для этого создаются специальные «советы директоров», состоящие из руководителей крупнейших преступных «семей», на регулярных собраниях которых осуществляется стратегическое планирование криминальной деятельности и урегулирование конфликтов**.

Начав с монополизации публично-правовых функций, крупные преступные организации быстро переходят к монополизации отдельных видов криминального производства — осуществляют своего рода «национализацию». В сущности, каждая преступная организация стремится создать вместо гангстерского рыночного хозяйства гангстерскую командную экономику, полностью заменив конкуренцию централизованным распределением. Однако в полной мере это невыполнимо: помимо противодействия со стороны других преступных организаций и правоохранительных органов полной монополизации преступного бизнеса препятствует сама технология криминального производства.

Давно уже отмечено, что различные «черные» рынки — рынки запрещенных товаров и услуг — подвержены организованности и монополизации в разной степени. Например, наркобизнес контролируется организованной преступностью в большей степени, чем проституция, а среди наркорынков сильнее монополизированы рынки героина и кокаина, чем марихуаны и гашиша. В преступных промыслах, как и в легальных, монополизированы лишь те отрасли, где объективно существуют монополистические барьеры: эффект масштаба, возможность захватить редкие сырьевые ресурсы. Поскольку во многих сферах криминального бизнеса (в том числе и в рэкет-бизнесе) таких барьеров нет, то сколько-нибудь полная его монополизация заведомо невозможна. Поэтому «национализация» каких-либо криминальных промыслов «теневым правительством» не удается. Развитая организованная преступность предстает перед исследователем как сеть локально-монополистических фирм, схожих с суверенными княжествами, между которыми не прекращается конкуренция за передел старых и освоение новых рынков.

Таким образом, *говорить о мафии как о «государстве в государстве» можно лишь тогда, когда преступная организация занимается правоохранительным бизнесом, либо выступает как монополист на рынке каких-либо товаров и услуг.*

Экономическая эволюция организованной преступности. Для развития организованной преступности необходим устойчивый и высокий спрос на запрещенные законом или остродефицитные товары и услуги. Поэтому экономичес-

* Срок жизни преступных организаций сопоставим с длительностью существования фирм: если мелкие группы (как и мелкие фирмы) живут не более нескольких лет, то крупные организации действуют десятилетиями. Так, американская «Коза Ностра» как федерация гангстерских семей существует уже почти 70 лет, история сицилийской мафии уходит в начало XIX в.

** Впервые подобная «комиссия» создана в США в 1929 г. итало-американскими гангстерами из «Коза Ностра». В 1950—1970-е годы по ее образцу были сформированы высшие организационные органы у сицилийской мафии и у якудза.

кая история организованной преступности* — это поиск лидерами мафий особых рыночных ниш, закрепление и расширение своих позиций в ожесточенной конкурентной борьбе, а также периодическое «перепрофилирование», вызванное изменениями рыночной конъюнктуры. Экономическая история «долгоживущих» мафиозных сообществ показывает, что при всей национальной специфике набор основных преступных промыслов и даже последовательность их смены очень схожи (см. табл. 1).

Неразвитость рыночного хозяйства, отсутствие элементарных условий безопасности бизнеса допускает широкое развитие «услуг безопасности» (рэкета). Когда рыночный строй стабилизируется и правоохранные функции в основном возвращаются в руки государства, мафия проникает в инфраструктурные виды бизнеса (погрузочно-разгрузочные работы, строительство), которые не вызывают интереса у «большого капитала». На более высокой стадии развития мафия приобретает способность к саморазвитию относительно независимо от легального бизнеса. Если раньше гангстеры занимались в основном нелегальным производством легальных услуг для предпринимателей, то теперь они начинают заниматься производством запрещенных товаров. Становление «общества массового потребления» вызывает переориентацию на ростовщичество и азартные игры, а недовольство этим обществом порождает наркобизнес. Во всех случаях мафия следует за общественным спросом, одновременно искусственно стимулируя его.

По мере того как мафиозное сообщество обогащается и «окультуривается», оно проявляет все более глубокий интерес к инфильтрации в легальный бизнес. Эта тенденция особенно усиливается в условиях активного экономического роста, дающего возможность делать «большие деньги» законным или полузаконным образом. Можно предположить, что «беловоротничковая» мафиозная преступность есть преддверие полного растворения гангстерского сообщества в законном бизнесе (пока таких примеров еще нет).

Таким образом модель экономической эволюции организованных преступных сообществ выглядит следующим образом: рэкет -> контроль над инфраструктурой -> азартные игры, ростовщичество -> наркобизнес -> «беловоротничковая» преступность -> легальный бизнес (?). Эта модель отражает обобщенную закономерность развития, очищенную от случайных обстоятельств (каким был, например, «сухой закон» в США, породивший массовое бутлеггерство и резко ускоривший развитие и консолидацию организованной преступности в стране). Некоторые стадии в этой модели могут меняться местами, сжиматься и даже выпадать.

Из этой схемы четко видно, что называть «государством в государстве» можно, скорее, ранние формы организованной преступности, специализированные прежде всего на рэкет-бизнесе, чем развитые, ориентированные на преобладание иных форм извлечения доходов. Впрочем, в той мере, в какой отдельным преступным организациям удается приблизиться к монополизации подпольного ростовщичества, наркобизнеса и т. д., зрелые формы организованной преступности также приобретают сходство с государственными институтами.

* К наиболее общим работам, по которым можно ознакомиться с историей организованной преступности за рубежом, относятся: [Полькен, Сцепоник 1988; Устинов 1993].

Особенности национального рэкета: история и современность

Таблица 1. Стадии экономической эволюции крупнейших организованных преступных сообществ

Основные преступные промыслы	«Коза Ностра» (США)	Мафия (Италия)	Якудза (Япония)	Триады (Китай, чайнатауны)
Рэкет	с 1890-х гг.	с начала XIX в.		с начала XX в.
Контроль над инфраструктурой	с 1920-х гг.	с 1950-х гг.	с начала XX в.	
Азартные игры, ростовщичество	с 1940-х гг.		с середины XVIII в.	
Наркобизнес	с 1940-х гг.	с 1950-х гг.	с 1970-х гг.	с 1970-х гг.
«Беловоротничковые» преступления	с 1970-х гг.	с 1970-х гг.	с 1980-х гг.	

Чем организованнее преступность, тем лучше для общества. Самый важный аспект в экономической теории организованной преступности — это вопрос о степени ее общественной опасности. В современной отечественной криминологической литературе (особенно, популярной) господствует мнение, что именно организованная преступность несет обществу наибольшую опасность и потому должна быть главным объектом правоохранительной деятельности. Экономисты глядят на эту проблему принципиально иначе.

Для анализа рэкет-бизнеса целесообразно использовать предложенную американским экономистом М.Олсоном логическую модель, сравнивающую «бандита-гастролера» и «оседлого бандита». Рациональный преступник, который постоянно меняет объекты преступных посягательств (воровства или грабежа), практически совершенно не заинтересован в благосостоянии своих жертв и потому будет забирать у них все, что только можно. Естественно, «в мире, где действуют бандиты-гастролеры, никто не видит никаких побудительных мотивов производить или накапливать все, что может быть похищено» [Олсон 1995, с. 56]. Ситуация принципиально меняется, указывает М. Олсон, когда вместо многих кочующих из одного района в другой бандитов-гастролеров формируется одна преступная организация, монополизирующая преступную деятельность на какой-либо территории. «Пастуху» выгодно, чтобы его «овцы» были сыты; чтобы у мафиозной «семьи» были стабильно высокие доходы, ей необходимо заботиться о процветании местных жителей и бизнесменов. Поэтому рациональная мафиозная «семья»-монополист не будет воровать или грабить на своей территории сама и не позволит делать это посторонним преступникам. Преступная организация «увеличит свою выручку, торгуя "охраной", защитой от преступлений, которые она готова совершить сама (если ей не заплатят), и преступлений, которые совершат другие (если она не будет держать на расстоянии посторонних преступников). Следовательно, если какая-либо "семья" имеет абсолютные возможности для того, чтобы совершать и монополизировать преступления на конкретной территории, преступность там будет невелика, или (за исключением "охранного" рэкета) ее не будет вообще» [Олсон 1995, с. 55—56]. Это может показаться удивительным, но модель М. Олсона убеждает, что с экономической точки зрения и преступники, и законопослушные граждане заинтересованы в максимальной монополизации криминальных промыслов.

Таким образом, экономическая теория доказывает, что для общества организованная преступность (монополизация преступных промыслов) предпочтительнее преступности дезорганизованной (конкурентной организации преступных промыслов). Экономисты авторитетно предостерегают против популистских «крестовых походов» на организованную преступность, результатом которых станет не снижение, а увеличение социальных издержек [Латов 2000].

Таковы основные идеи общей экономической теории мафиозного рэкет-бизнеса. Посмотрим теперь, в какой степени их можно использовать для понимания российских реалий.

Российский рэкет в историческом разрезе: варяги, татары, казаки

Модель, доказывающую общественную полезность для общества организованной преступности в сравнении с преступностью неорганизованной, М. Олсон иллюстрирует примером из истории Китая 1920-х годов, когда эта страна переживала политический разброд и хаос*. Такая ситуация может показаться экзотичной и экстраординарной. Между тем если обратиться к истории России, то неожиданно обнаруживаешь, что контраст между «бандитами-гастролерами» и «оседлыми бандитами» можно наблюдать довольно часто, надо только суметь его «опознать».

Варяги с большой дороги. Прежде всего, само возникновение древнерусского государства служит иллюстрацией к концепции М. Олсона.

Экономисты-институционалисты выделяют два полярных типа государств в зависимости от механизмов их образования — контрактное государство и государство как «оседлый бандит». В первом случае создание государственного аппарата есть результат добровольного «общественного договора», согласно которому подданные соглашаются платить налоги и отказываются от части своей свободы, а представители государства обязуются производить некоторые общественные блага (защищать подданных, руководить строительством крупномасштабных культовых и хозяйственных сооружений) и т. д. Благодаря авторитету Г. Гроция и Ж.-Ж. Руссо эта концепция стала идеологическим манифестом буржуазных революций нового времени, однако в истории доиндустриальных обществ чаще встречается иной механизм политогенеза — не по Руссо, а по Олсону. Речь идет о формировании официальных государственных структур в процессе трансформации хаотических грабежей многих бандитов-налетчиков

* «Диктатор-милитарист Фан Ю-мен был известен решительностью, с которой он использовал свою армию для подавления бандитизма, и тем, что разгромил относительно сильную армию бандита-гастролера Белого Волка. Очевидно, большинство во владениях Фана предпочитало его присутствию нападениям бандитов-гастролеров, — пишет знаменитый американский институционалист. — Вначале это меня озадачило: почему диктаторов-милитаристов, которые были "оседлыми" бандитами, непрерывно обкрадывавшими конкретную группу жертв, эти жертвы предпочитали бандитам-гастролерам, которые грабили и скоро уходили? Ведь диктаторы-милитаристы не обладали традиционной легитимностью и не избирались населением или кем бы то ни было» [Олсон 1998, с. 392]. В предыдущем разделе указано, как М. Олсон объяснил этот парадокс.

Особенности национального рекета: история и современность

в сбор регулярной фиксированной дани одной бандой за отказ от фабежей и за охрану от других налетчиков.

Полулегендарная история образования в IX в. государства Рюриковичей выглядит, с точки зрения концепции М. Олсона, следующим образом. Согласно «Повести временных лет», сначала восточных славян фабил, кто хотел, — с востока «наезжали» хазары, с севера варяги. Когда же фабителей-варягов изгнали, то фабить начали уже не чужеземцы, а «свои» («и восста род на род»). Выходом из ситуации «войны всех против всех» стало приглашение в Новгород «варяжской бригады» Рюрика, которая постепенно ликвидировала более мелкие фуппировки других самостоятельных «авторитетов» (типа Аскольда и Дира) и монополизировала сбор дани, охраняя своих подданных от «наездов» других варягов и прочих «неразумных хазар». Первоначально для повышения своих доходов «оседлые варяги», похоже, пытались увеличить сбор дани с первоначально покоренных племен. «Эксперимент» по определению пределов терпения подданных закончился инцидентом с князем Игорем (который проявил себя как настоящий «беспредельщик», за что и понес заслуженное наказание), после чего размеры податей пришлось регламентировать. При князе Святославе русь-варяги перешли к другой стратегии увеличения доходов — путем расширения контролируемой ими территории. Ликвидация конкурирующей «хазарской группировки» прошла успешно, но попытка захватить еще и территорию Болгарии, на которую претендовало Византийское государство, закончилась провалом. Уже при князе Владимире потомки варягов окончательно превращаются из «оседлых бандитов» в единственную легитимную (в силу обычая) власть, заинтересованную прежде всего в поддержании порядка на уже захваченных землях. Экстенсивные методы увеличения доходов (путем усиления норм дани или путем расширения границ) исчерпываются, наступает время для интенсивных методов — налаживания мирных торговых отношений с Византией, регламентации правовых норм и т. д.

Сообщаемая начальной летописью версия образования древнерусского государства, конечно, малодостоверна с точки зрения дат событий и имен персонажей, но сам сценарий политогенеза вполне типичен — примерно так же происходило образование и многих других раннесредневековых государств (например, Англии, Болгарии, Италии). Таким образом, само наше государство родилось в процессе трансформации варяжских «бандитов-гастролеров» в «оседлых бандитов», а затем и во всеми признанную единственно законную власть.

Татары-разбойники и хан-рэкетиры. Во времена Московской Руси противопоставление «бандитов-гастролеров» и «оседлых бандитов» снова актуализируется, но уже в иной форме. Речь идет о той роли в истории России XV—XVII вв., которую играли крымские татары и вольные казаки.

Хорошо известно, что дань, которую платили русские земли Золотой Орде, вовсе не исчезла после ликвидации в 1480 г. татарского ига — Крымское ханство, например, получало регулярные платежи от правителей Московии и Литвы (позже — Речи Посполитой) вплоть до XVIII в. Однако экономическое содержание этих платежей радикально изменилось.

До XV в. дань русских княжеств татарам была выражением вассальной зависимости. В конце XV в. русские земли стали политически полностью самостоятельными, но у татарских государств оставалось еще достаточно сил, чтобы

регулярно совершать грабительские набеги. Налеты на южные земли Украины и Московии стали, собственно говоря, основным источником дохода для Крымского ханства (вассала Османской империи), превратившегося, по существу, в разбойничье государство. Как и полагается «бандитам-гастролерам», татары во время набегов стремились забрать все, что только можно, включая и местных жителей, которых десятками тысяч обращали в рабство и продавали в Турцию. Для правителей Московского и Литовского государств самым рациональным в этих условиях было выплачивать регулярную подать («поминки») крымскому хану за воздержание от набегов, выкупая тем самым защиту от разорения*. Уплатившему ежегодные «поминки» хан выдавал «шертные грамоты» — клятвенные заверения не воевать против того, кому ее выдал. Впрочем, это мало защищало от мелких «самочинных» набегов крымских беков и мурз, которые не слишком подчинялись своему хану.

Таким образом, крымские татары попеременно выступали по отношению к москвитам и украинцам, в зависимости от политической конъюнктуры, то как «бандиты-гастролеры», то как «оседлые бандиты»**. Впрочем, уподоблять их «оседлым бандитам» М. Олсона надо с оговоркой — крымцы соглашались за уплату дани «охранять» только от себя самих и больше ни от кого. Россия платила дань Крыму до 1685 г., последний грабительский набег на Украину состоялся в 1769 г., и лишь при Екатерине II это разбойничье гнездо окончательно было ликвидировано.

Казаки-разбойники и казаки-рэкетиры. Если интерпретация крымских татар как бандитов-рэкетиоров вряд ли покажется сомнительной, то аналогичная характеристика донских и запорожских казаков может вызвать недоумение. Если в советские времена вольные казаки считались, прежде всего, борцами против феодальной эксплуатации, то в последние годы отечественные патриоты превозносят их как защитников отечества и православия. Реальные донцы и запорожцы, однако, причудливо сочетали черты не только защитников свободы и «степных рыцарей», но также профессиональных наемников и грабителей-разбойников. Наиболее отчетливо эти малопривлекательные ипостаси вольного казачества проявились во время Смуты 1604—1618 гг., которую современные

* Постоянные набеги крымских татар начались с 1507 г., и «с этих пор, — писал знаменитый русский историк С.М. Соловьев, — сношения обоих государств, и Московского и Литовского, с крымцами принимают характер задаривания разбойников». Литовский князь Сигизмунд I, в частности, обязался ежегодно платить крымскому хану 7,5 тыс. червонных и на такую же сумму сукон, специально оговорив, что эти «подарки» будут посылаться только в те годы, когда не будет нападений на его земли [*Гордеев* 1991, с. 157]. Что касается Московского государства, то в XVI—XVII вв. оно, по СМ. Соловьеву, ежегодно выплачивало Крымскому ханству в виде «поминок» около 20 тыс. рублей, не считая расходов доставлявших эти «подарки» послов. Известен и такой экстраординарный метод «ханского рэкета», как взимание выкупа во время набега за прекращение похода [*Андреев* 1997, с. 135].

** Похожую роль «бандитов-гастролеров» и одновременно «оседлых бандитов» на другом конце Османской империи в те же XV—XVIII вв. выполняли алжирские пираты, совершавшие пиратские рейды до самой Исландии и одновременно бравшие дань с некоторых крупнейших держав Западной Европы (Испания, Франция, Англия) за обязательство не грабить в течение обусловленных очередным договором срока суда этих стран.

Особенности национального рэкета: история и современность

историки начинают рассматривать как первую в истории России полномасштабную гражданскую войну [Станиславский 1990].

Казацкие отряды с Дона и из Сечи выступали в годы Смуты союзниками практически всех противоборствующих сторон — всех Лжедмитриев и других самозванцев, поляков, шведов, армии И. Болотникова, Первого и Второго ополчений, правительств В. Шуйского и М. Романова. И всегда эти союзники отличались, наряду с отличными боевыми качествами, довольно своеобразным отношением к военной дисциплине и стремлением разграбить все, что подвернется под руку. Находясь формально на службе у того или иного «законного» правительства, казаки фактически подчинялись лишь решениям своих сходок — казацких кругов, которые стали, по существу, своеобразными дублирующими мини-правительствами.

Согласно их решениям, казаки наряду с беспорядочным грабежом практиковали и более упорядоченные его формы. С 1607 г. на контролируемых казаками местностях стали создаваться так называемые приставства: отряд казаков (станция) захватывал определенную территорию в коллективное кормление, заставляя местных жителей отдавать все, что захотят забрать люди с оружием [Станиславский 1990, с. 23—24, 41]. Поскольку казацкие станции часто меняли свою дислокацию, у них, вполне по М. Олсону, не было особых стимулов заботиться о преумножении достатка местных крестьян. Если же те выражали недовольство грабительскими наклонностями владельцев приставства, казаки демонстрировали право силы, не останавливаясь перед убийствами. Не удивительно, что крестьяне нередко организовывали отпор подобным «бандитам-гастролерам» силами местной самообороны, либо помогали правительственным войскам.

Важно отметить, что в годы восстания И. Болотникова и позже некоторые монастыри (именно они были тогда крупнейшими землевладельцами) выплачивали казакам, контролировавшим эту территорию, определенные суммы денег в обмен на гарантии неприкосновенности своих владений [Станиславский 1990, с. 24]. Эта форма жизнеобеспечения казаков наиболее близка к классическому рэкету. Соответственно, те казацкие «группировки», которые ее использовали, продвинулись наиболее далеко в эволюции от «бандитов-гастролеров» к «оседлым бандитам». Впрочем, такая эволюция оказывалась неустойчивой и отнюдь не повсеместной: видимо, вольные казаки чаще предпочитали сразу и немедленно отбирать добро у своих жертв, не задумываясь о завтрашнем дне.

Наибольшего распространения практика казачьих приставств получила в 1614—1615 гг., на последней фазе Смуты. Попытки казаков заменить вотчинно-поместную систему казачьими приставствами потерпели в конце концов провал — новое правительство Романовых все же нашло силы разогнать «гулявшие» по Московии отряды «казаков-разбойников». После этого казачий «потоп», едва не перевернувший государство, вернулся в обычное русло. Однако казачий рэкет, эпизодически проявившийся в годы Смуты, не только не исчез, но, напротив, стал постоянной системой. После Деулинского перемирия 1618 г. с Польшей донским казакам специальной грамотой от правительства Романовых было установлено регулярное царское жалованье деньгами, боеприпасами и продуктами (ранее московское правительство жаловало донских

казаков лишь эпизодически) [Гордеев 1991, с. 167]*. По существу, вольным казакам Дона выплачивалась такая же подать за воздержание от грабежей, как и крымским татарам, с тем, однако, отличием, что казаки все же защищали Московию не только от самих себя, но и от тех же крымцев, а потому более соответствовали олсоновскому «оседлому бандиту». Характерно, что отношениями и с Крымским ханством, и с донскими казаками ведал один и тот же Иноземный приказ. Этот казацкий рэкет, как и татарский, тоже продолжался до XVIII в.

Таким образом, казацкие «республики» XVI — XVII вв. были, во многих отношениях, не только отечественным аналогом пиратских сообществ Карибского моря того же времени, но и прообразом мафиозных организаций XX в.

Итак, «преданья старины глубокой» показывают, что антитеза «бандит-гастролер» — «оседлый бандит» отнюдь не является для российской истории чем-то совершенно небывалым. Напротив, это явление вполне типично для переломных моментов истории, связанных с качественным обновлением политических институтов, ситуациями безвластия или многовластия.

Рассмотрим теперь, как эта закономерность проявилась в ходе экономических реформ 1990-х годов.

Современная российская экономика рэкета: «грабящие руки» вместо «невидимой руки»

Руки, управляющие рынком. Мимолетное замечание А. Смита о невидимой руке рынка, которая оптимально руководит производством, стало одним из краеугольных камней неоклассического «Экономикса». Однако представление о полной стихийности формирования и развития рыночных институтов является, скорее, своего рода «сакральным мифом» экономистов, нежели отражением объективных фактов.

Даже в Великобритании, чья история считается каноническим образцом капиталистического строя, рынок выступает во многом как результат социального конструирования, на что обратил внимание еще К. Поланьи [Polanyi 1944]. Чем позже формируются национальные модели рыночного хозяйства, тем отчетливее в них видны следы рукотворности. Современная американская модель рыночного хозяйства несет на себе явный отпечаток «нового курса» Ф. Рузвельта, германская модель — программ Л. Эрхарда, японская модель — концепций американских администраторов оккупационного периода. Еще заметнее созна-

* Это жалование казаки получали формально как вознаграждение за охрану Московии от татар и турок. С точки зрения самих казаков, однако, бесконечные набеги на «неверных» были не только «защитой отечества», но и «военным промыслом» (как у тех же крымских татар). Характерно, что московскому правительству постоянно приходилось извиняться перед Крымом и Портой за самочинные действия донских казаков, которые осуществляли свою «политику», отличавшуюся от планов Кремля. События Смуты убедительно показали, что если у казаков не будет возможности грабить «басурман», то они будут искать добычу в самой Московии. Поэтому для Романовых проще было сделать вид, что жалование казакам — это действительно плата за охрану границ от врагов, а не откуп от потенциальных бандитов.

Особенности национального рекета: история и современность

тельное институциональное строительство в новых индустриальных странах и в постсоциалистических странах, осуществлявших рыночную модернизацию в последнюю треть XX в.

Чтобы подчеркнуть качественные различия национальных путей рыночной модернизации, современные американские экономисты Тимоти Фрей и Андрей Шляйфер предложили выделять три основных типа условий развития бизнеса в переходных обществах — модель «невидимой руки» (*invisible hand*), модель «поддерживающей руки» (*helping hand*) и модель «фаблящей руки» (*grabbing hand*) [*Frye, Shleifer 1997*] (табл. 2). Эти модели различаются, прежде всего, тем, насколько обеспечены права собственности предпринимателей и как это осуществляется: в первом случае эти права защищаются законом, во втором случае — правительственными чиновниками, в третьем случае — мафией.

В принципе, даже то, что Т. Фрей и А. Шляйфер называют моделью «невидимой руки», отнюдь не тождественно полному невмешательству государства в дела бизнеса. Просто в данном случае государство выступает в роли не «добраго деспота», как в модели «поддерживающей руки», а стража порядка, который вырабатывает единые для всех эффективные «правила Ифы» и следит за их выполнением — защищает права собственности, что есть первейшая функция государства в рыночном хозяйстве. Но и эта модель является своего рода идеальным типом, реальная же ситуация в различных странах с модернизируемой экономикой представляют собой, как правило, «смешение всех трех типов».

Таким образом, распространенное среди отечественных либералов (особенно, в начале 1990-х годов) представление, будто для рыночной модернизации достаточно дать экономическую свободу и затем все наладится наилучшим образом, следует считать вредной утопией. Чтобы обеспечить защиту прав собственности зарождающегося бизнеса, надо выбирать между «невидимой рукой» закона, «поддерживающей рукой» государственного чиновника и «фаблящими руками» бюрократов, коррупционеров и бандитов.

Чиьи руки залегают в карман предпринимателя? По классификации Т. Фрея и А. Шляйфера, постсоветские республики относятся к модели «фаблящей руки»: хотя на словах бюрократы придерживаются риторики в духе «поддерживающей руки», в действительности бизнесмены оказываются во враждебном окружении. Кто и как отщипывает «крошки» от предпринимательского «пирога»? Для ответа на этот вопрос обратимся к данным компаративистских исследований условий развития бизнеса, проводившихся в 1996 и 1997 гг. в некоторых постсоциалистических странах под несомненным влиянием и по образцу знаменитых исследований Э. де Сото (табл. 3 и 4).

Согласно социологическим опросам, в «фабеже» российских предпринимателей первоочередную роль ифают государственные чиновники. Взямая довольно высокие налоги (порядка 30 % от выручки), они не обеспечивают взамен предпринимателям сколько-нибудь эффективной поддержкой. Регистрационные процедуры довольно длительны. Предприниматели реже, чем хотели бы, обращаются в суды для разрешения конфликтов, поскольку судебные процедуры длительны и дорогостоящи, а решения судов не всегда предсказуемы и не имеют обязательной силы. Государственные службы буквально терроризируют бизнесменов (особенно, мелких) требованиями мелочной отчетности (на нее уходит почти 20 % рабочего времени руководителей фирм) и частыми инспекциями (в мелких магазинчиках Москвы, по данным опроса 1996 г., —

Таблица 2. Основные типы условий развития бизнеса в экономиках переходного типа

Модели	Правовая среда	Административное регулирование
Невидимая рука: большинство стран Восточной Европы	Правительство не стоит над законом. Контракты защищаются судами.	Правительство следует узаконенным правилам. Регулирование минимально. Коррупция слаба.
Помогающая рука: КНР, Южная Корея, Сингапур	Правительство стоит над законом, используя власть для помощи бизнесу. Контракты защищаются государственными чиновниками.	Правительство агрессивно помогает некоторым предпринимателям. Организованная коррупция.
Грабящая рука: большинство постсоветских республик	Правительство стоит над законом, используя власть для получения ренты. Правовая система не работает, контракты защищаются мафией.	Многочисленные полусамостоятельные государственные институты осуществляют грабительское регулирование. Дезорганизованная коррупция.

Составлено по: [Frye, Shleifer 1997].

в среднем полтора раза в месяц), участники которых считают своим святым долгом наложить штраф. Кредитная поддержка бизнеса находится в жалком состоянии. В такой ситуации даже честные чиновники (те, кто не берут взятки) воспринимались бы бизнесменами как грабители: уплатив государству налоги, предприниматель получает взамен не просто полное равнодушие к своим потребностям, а еще и лишние заботы. Такие налоги заставляют вспомнить «поминки», которыми Российское государство в XVI—XVIII вв. откупалось от слишком жесточенных набегов крымских татар (по принципу «заплатишь — будешь иметь беду, не заплатишь — будешь иметь еще большую беду»).

Однако честный, не вымогающий взятку чиновник в современной России рискует оказаться музейным экспонатом. Опросы свидетельствуют, что примерно 9 бизнесменов из 10 считают взяточничество повседневным явлением: давать «барашка в бумажке» приходится и при регистрации фирмы, и при регулярных «наездах» проверяющих инспекций. Взятки, с одной стороны, снижают издержки бюрократического надзора (вместо выполнения массы формальностей достаточно выполнить «просьбу» проверяющего инспектора). С другой стороны, повальное взяточничество приучает бизнесменов видеть в государственных чиновниках не доброжелательных помощников, а обладателей «лицензии на грабеж». Соответственно, и государственные служащие привыкают рассматривать свой пост как своего рода «кормление» (по образцу институтов средневекового Московского государства), не связанное к тому же с полезной деятельностью. Возникает одна из институциональных ловушек, когда сиюминутный выигрыш оборачивается тупиком в скором будущем.

Позиция рэкетира выглядит едва ли не наиболее благопристойно. Когда бизнесмен платит дань представителям организованной преступности, он знает, что идет на сомнительную сделку с заведомыми нарушителями закона, не прикрываемыми служебным удостоверением, а потому здесь не возникает искаженного представления об общественных функциях. Частота столкнове-

Особенности национального рэкета: история и современность

Таблица 3. Сравнение условий развития мелкого торгового бизнеса в Москве и Варшаве, 1996 г.

Условия деятельности предпринимателей	В Варшаве (Польша)	В Москве (Россия)
Затраты времени на регистрацию, месяцев	0,72	2,71
Количество инспекторских проверок за последний год	9,0	18,56
Доля магазинов, чьи владельцы были за последний год оштрафованы во время инспекторских проверок, %	46	83
Доля владельцев магазинов, нуждающихся в судебном арбитраже, но не имеющих возможности к нему прибегнуть, %	10	45
Доля владельцев магазинов, сталкивавшихся с рэкетом за последние 6 месяцев, %	8	39
Доля владельцев магазинов, признающих необходимость «крыши» («зонтика»)	6	76

Составлено по: [Frye, Shleifer 1997].

Таблица 4. Сравнение условий развития бизнеса в пяти постсоциалистических странах, 1997 г.

Условия деятельности предпринимателей	Польша	Словакия	Румыния	Россия	Украина
Налоги и другие платежи государству, % от выручки	19,4	20,2	22,0	29,9	31,4
Доля затрат рабочего времени менеджеров на официальную отчетность, %	10,3	11,8	8,0	18,3	25,4
Доля предпринимателей, полагающих, что для получения лицензии необходимы взятки, %	19,3	42,2	17,0	91,7	87,5
Доля предпринимателей, признающих что правительственные службы вымогают взятки, %	20,0	38,0	20,0	91,0	87,0
Доля предпринимателей, признающих, что для защиты договоров надо обращаться в суд, %	72,9	67,9	86,9	58,4	54,7
Доля предпринимателей, получивших в минувшем году кредит, %	48,8	27,6	24,1	17,0	13,8
Доля предпринимателей, признавших, что фирмы платят мафии за защиту, %	8,0	14,9	0,6	92,9	88,8

Составлено по: [Johnson, Kaufmann, McMillan, Woodruff 2000]

ний с уголовным рэкетом оказывается примерно такой же, что и частота встреч с чиновниками-вымогателями.

Таким образом, в постсоветской России мы видим не одну «грабящую руку», а целых три: бюрократа, который не помогает бизнесмену, но взымает с него налоги и выматывает административным контролем; взяточника, отказывающегося одобрять деятельность предпринимателя без «бакшиша»; рэкетира, обеспечивающего защиту прав собственности бизнесмена (часто — защиту только от насилия самого рэкетира) в обмен на уплату дани. Первые две социальные роли на практике обычно персонифицируются одним лицом — чиновники на-

лагают на предпринимателей административную узду, чтобы затем иметь возможность ослаблять ее за личное вознаграждение. Такую ситуацию американский советолог Стивен Фиш называет «экономикой рэкета»: вымогательство у предпринимателей, постоянные посягательства на их права собственности становятся нормой действий и нелегальных, и легальных структур [Fish]. «Экономика рэкета» — это институциональная форма российского бизнеса второй половины 1990-х годов.

Препятствия для легальной защиты прав собственности

Негативный имидж российского бизнеса. Почему же отечественные предприниматели оказались в столь незавидном положении, когда все рассматривают их как объект вымогательства, но никто не спешит на помощь? Можно назвать много причин, препятствующих нормальной, легальной защите прав предпринимателей: низкая законопослушность россиян (традиция неправовой свободы); слабость и малоэффективность самих законодательных норм, направленных на защиту прав собственности; низкие ресурсы органов правопорядка, которые не в силах поддерживать даже те законодательные нормы, которые уже есть. Однако по большому счету все эти факторы трудно назвать первостепенными. Главная причина заключается в том, что большинство россиян (включая законодателей и стражей закона) просто не считают защиту бизнеса первостепенной задачей. В самом деле, с начала радикальных рыночных реформ прошло почти десятилетие, а степень защищенности предпринимателей если и улучшилась, то отнюдь не качественно.

Почему же беды предпринимателя в постсоветской России не считают объектом первостепенных забот? Для любого россиянина ответ не составит особого труда: *в бизнесменах видят не трудолюбивых производителей, а нахрапистых и аморальных хищников, грабить которых — не преступление, а своего рода восстановление социальной справедливости* («экспроприация экспроприаторов»).

Негативный имидж бизнесменов в глазах основной массы россиян можно, в принципе, принять за аксиому, не требующую доказательств в силу ее постоянного подтверждения повседневным опытом. Поскольку, однако, в науке апелляция к самоочевидности не принимается, сошлемся хотя бы на один из недавних социологических опросов. В табл. 5 показаны результаты исследования, выполненного в 1998 г. в Санкт-Петербурге Центром социологических исследований факультета социологии СПбГУ. Респондентам, в частности, предлагалось ответить на открытый вопрос «Закончите следующее предложение: "В России, чтобы достичь успеха в бизнесе, нужно..."». Большая часть опрошенных (47,4 %) недвусмысленно называла качества, которые вызывают однозначно негативные ассоциации, — наличие «лапы», готовность нарушать нормы закона и морали, умение изворачиваться*. Петербуржцы, для которых занятие предприни-

* Долю тех, для кого бизнесмен неприятен, можно увеличить за счет респондентов, полагающих, что для успеха в бизнесе надо «изменить жизнь в российском обществе» и «победить преступность»: поскольку сейчас этих факторов еще нет, то те, кто в таких условиях все же занимается бизнесом, вряд ли заслуживает позитивной оценки.

Особенности национального рекета: история и современность

Таблица 5. Мнения россиян о том, что необходимо для занятия бизнесом (по данным социологического обследования в Санкт-Петербурге, 1998 г.)

Названные респондентами факторы	Доля респондентов, давших ответы, в %	Совокупная доля респондентов по категориям ответов, в %
Факторы, ассоциируемые с негативными человеческими чертами		
Иметь связи, покровительство	17,3	47,4
Преступать закон	14,2	
Нарушать нормы морали	10,9	
Крутиться, приспосабливаться	5,0	
Неопределенные факторы		
Иметь деньги	16,6	28,4
Изменить жизнь в российском обществе	6,7	
Хитрость	2,0	
Победить преступность	1,8	
Удача	1,3	
Факторы, ассоциируемые с положительными человеческими чертами		
Обладать умом, творческими способностями	9,7	30,9
Иметь знания, навыки, опыт	7,6	
Иметь силу, волю, энергию, целеустремленность	6,2	
Работать	4,7	
Обладать честностью, порядочностью	2,7	

Примечания: В рубрику «Неопределенные факторы» сведены те ответы, в которых названы качества предпринимателей, не определяемые однозначно как позитивные или негативные.

Составлено по: [Безгодов 1999, с. 201].

матерством ассоциируется с положительными человеческими качествами, составили менее трети респондентов (30,9 %).

Таким образом, спустя десятилетие после начала «воспитания» уважения к предпринимательской деятельности во «второй столице» России примерно половина людей считает бизнесменов скорее «проклятыми буржуями», чем «солью земли русской». Понятно, что в провинции, где народ живет победнее, и где либеральная ментальность укоренилась гораздо слабее, имидж бизнесменов еще менее привлекателен.

Если «бизнес» прочно ассоциируется с «криминалом» и «воровством», то вполне понятно, почему никто не торопится протянуть молодому российскому бизнесу руку помощи. *Большинство явно или неявно считает предпринимателей своего рода «легальными преступниками» и уверено, что относиться к ним надо именно в соответствии с криминальными «понятиями», то есть по принципу «права силы».*

Криминальность российского бизнеса. В какой степени, однако, оправдан негативный имидж российского бизнеса? Быть может, отечественные пред-

приниматели — «без вины виноватые»? Нет, российских предпринимателей трудно назвать невинными овечками. Представления «простых людей» о предпринимателях как о жуликах, увы, не слишком расходятся с реальным положением дел.

Действительно, в 1990-е годы главным генератором криминогенности в России стал именно молодой бизнес. Кажется, будто отечественные предприниматели задались специальной целью подтвердить крылатую фразу из «Золотого теленка», что «все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем». Впрочем, складывается впечатление, что и не слишком крупные наживаются примерно таким же образом.

Криминальность в поведении российских бизнесменов можно проследить по трем направлениям: отношения с клиентами, отношения с государством, отношения с коллегами по бизнесу.

Что касается отношений с клиентами, то здесь на поверхности наиболее заметен банальный, но массовый их обман. Хрестоматийным примером может служить история с «МММ», после которой у десятков тысяч людей ненависть к бизнесменам стала своего рода условным рефлексом. Если, однако, глубже рассмотреть главные источники доходов новых «акул бизнеса», то выяснится, что само первоначальное накопление капиталов в конце 1980-х — начале 1990-х годов было основано именно на злоупотреблениях по отношению к рядовым гражданам. В экономической теории широко используется термин «*рентоориентированное поведение*» — так называют погоню за прибылью, извлечение которой основано не на конкуренции за рубль покупателя, а на использовании каких-либо привилегий. Зарубежные исследователи «загадочной России» давно отмечают, что в начале 1990-х годов Россия превратилась буквально в «рай для присвоения ренты». По оценке А. Ослунда, в 1992 г. рентные доходы превышали 80 % российского ВВП (в т. ч. 30 % — от спекуляции энергоресурсами и металлами, еще 30 % — от льготных кредитов) [Ослунд 1996; Пritchль 1997]. Это «рентоискательство» заложило фундамент практически всех крупных состояний, по существу оно стало перераспределением национального богатства в пользу «новых русских». Поскольку подобное предпринимательство деструктивно для общества (выгоды «рентоискателей» — это потери остальных членов общества), то вполне естественно, что рядовые граждане считают такой бизнес криминальным, даже если формально нарушения правовых норм и не происходит.

Хотя без негласной санкции правительства радикал-реформаторов массовое извлечение ренты в принципе было бы невозможным, в отношениях с правительством бизнес тоже не придерживается честных «правил игры». Уклонение от регистрации сделок и уплаты налогов, подкуп правительственных чиновников, тайный вывоз капиталов за рубеж — все это стало настолько заурядным, что воспринимается как часть профессиональных навыков для тех, кто решает плавать в мутной воде бизнеса. Сошлемся для примера хотя бы на данные о масштабах неформальных сделок: их доля в выручке отечественных предпринимателей в 1997 г. составила, по оптимистическим оценкам, порядка 8—15 % [Неформальный сектор 1998, с. 72, 107], а по пессимистическим — около 30 % [Johnson, Kaufmann, McMillan, Woodruff]. В 1994 г. российское правительство считало, что более 42 % фирм не могут считаться легитимными, поскольку не платят налогов и даже не имеют официального разрешения зани-

Особенности национального рекета: история и современность

маться бизнесом [Дюамель 1997, с. 230]. Российская экономика быстро приобрела «пестрый» характер — настолько тесно в ней официальная деятельность переплетается с неофициальной, теневой.

Наконец, и в отношениях друг с другом бизнесмены не склонны быть слишком щепетильными. По данным анкетного опроса российских предпринимателей, проведенного в 1997 г. под руководством В.В. Радаева, с нарушениями деловых обязательств сталкиваются 82 % предпринимателей, из них 50 % — иногда, а 32 % — часто [Радаев 1999, с. 43]. Систематическое нарушение деловых обязательств и нечестная конкуренция естественным образом дополняются (и ограничиваются) использованием услуг мафии для выбивания долгов и устранения конкурентов. Предпринимателей убивают едва ли не так же часто, как главарей мафиозных группировок, что заставляет усомниться в существовании заметных различий между легальным и мафиозным бизнесом*.

Возникает вопрос: почему в российском бизнесе девиантное (с точки зрения нормального рядового гражданина) поведение выступает скорее правилом, чем исключением? Часто это объясняют тем, что правительство навязало предпринимателям «правила игры», честно соблюдать которые просто невозможно (очень сильный «налоговый пресс», слабая законодательная база, низкая эффективность реальной правоохранительной деятельности и т. д.). В таком объяснении есть большая доля истины. Однако тогда остается непонятным, почему отечественные предприниматели и прочие россияне без особого возмущения приняли подобные «правила» и «играют» по ним уже лет десять. Для понимания глубины проблемы зададимся вопросом: в какой степени российская экономическая ментальность *в принципе* признает и одобряет бизнес как индивидуальное стремление к обогащению?

Роль экономической культуры в развитии предпринимательства. Когда российские «шокотерапевты» начинали реформы, они были твердо убеждены, что, подобно тому, как вода всюду течет сверху вниз, реформирование экономики любой страны происходит на основе универсальных рецептов неоклассического «Экономикса». Неудачи радикальных рыночных реформ в России стали началом разочарования в универсализме неоклассических рецептов. В наши дни становится очевидным: методов «лечения» экономики, в равной степени пригодных и для Америки, и для Японии, и для Новой Гвинеи, к сожалению, нет. Дело в том, что развитие любой экономической системы (рыночной ли, командной или смешанной) в какой-либо конкретной стране ограничено рамками национальной экономической культуры, которая во многом определяет лицо национальной модели экономики.

Экономическая (хозяйственная) культура есть совокупность стереотипов и ценностей, влияющих на хозяйственное поведение. Эти стереотипы и ценности являются общими для крупных социальных общностей (этносов, конфессий). Национальная хозяйственная культура нематериальна и часто трудноуловима,

* Только в 1993 г., по данным МВД, было убито 10 руководителей крупных банков. Международная комиссия экспертов в 1994 г. вообще пришла к выводу, что Россия — самая опасная страна в мире для бизнеса [Дюамель 1997, с. 223]. К концу 1990-х гг., после завершения первичного раздела собственности и сфер влияния, «правила игры» в российском бизнесе стали менее смертоносными, однако и к началу III тысячелетия они остаются, по международным стандартам, вопиюще криминальными.

но именно она определяет форму развития экономических систем в той или иной стране. Важнейшим компонентом экономической культуры являются господствующие представления об этически допустимых («правильных») формах и образцах поведения, которые становятся фундаментом правовой культуры. Национальная экономическая культура обуславливает, в свою очередь, специфику развития преобладающих форм криминального поведения.

Каковы культурологические основы современного рыночного хозяйства? Вспомним полемику по этому поводу между двумя великими немецкими экономистами-социологами рубежа XIX—XX вв. Максом Вебером и Вернером Зомбартом.

В. Зомбарт считал «духом» капитализма всякое стремление к получению денежного богатства*. В таком случае предпосылкой развития капитализма, по Зомбарту, является стремление к роскоши, расточительству, престижному потреблению. Перечисляя основные типы капиталистических предпринимателей, он называл среди них разбойников и феодалов, спекулянтов и купцов.

Напротив, М. Вебер отмечал, что объяснять сущность буржуазного предпринимательства только лишь «стремлением к денежному богатству» принципиально недостаточно [Вебер 1990, с. 47—48]. Он выделил два качественно различных типа «стремления к наживе»: один основан на использовании различных форм насилия (обман, грабеж, взятки и т. д.), другой — на использовании добровольного и взаимовыгодного обмена. Жажда наживы любой ценой, по его мнению, не только не является буржуазной, но, напротив, тормозит развитие нормального рыночного хозяйства. «Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег, — подчеркивает Вебер, — было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам» [Вебер 1990, с. 78]. Формирование «нормального» капитализма возможно, по Веберу, только там и тогда, где и когда побеждает мораль «честной наживы», предполагающая взаимовыгодность экономических отношений для всех ее участников. Если капитализм «по Зомбарту» имманентно предполагает принцип «не обманешь — не продашь», то капитализм «по Веберу» основан на морали «честность — лучшая политика».

Экономическая история XX в., когда к рыночному хозяйству стали приобщаться страны «третьего мира», предоставила обильный материал для сравнения возможностей развития капитализма «по Зомбарту» и «по Веберу». Там, где бизнес приобретал черты своеобразного общественного служения (это, прежде всего, регион конфуцианской цивилизации), рыночное хозяйство развивалось весьма эффективно, ускоряя развитие общества. Если же предпринимательство воспринималось как своекорыстная нажива любой ценой (как, например, во многих странах Африки), то рыночное хозяйство приобретало форму нароста, паразитирующего на национальной экономике. Сама история вынесла своеобразный вердикт: *чтобы предпринимательство стало основой экономической жизни общества, оно должно иметь в глазах большинства населения имидж честного и достойного занятия.*

* «В направленном на получение прибыли капиталистическом предприятии заключены имманентные его природе тенденции развития безграничной и беспощадной наживы» [Зомбарт 1994, с. 272].

Особенности национального рекета: история и современность

Этическая оценка предпринимательства в российской экономической культуре. Когда радикал-реформаторы в 1992 г. закладывали фундамент российской модели переходной экономики, то за желаемый образец явно или неявно брали американское хозяйство. Американская либеральная модель рыночного хозяйства есть наиболее чистое выражение идеологии «протестантской этики» с характерными для нее фигурой *himselfmademan* а (в буквальном переводе — «человек, который сделал себя сам») как образцом жизнедеятельности и культуром «честной наживы». Но в какой степени эти этические нормы совместимы с российской культурой?

Существует ли в российской экономической культуре благожелательное отношение к деятельному индивиду, обязанному своей карьерой только самому себе? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, насколько велика в российской культуре ценность индивидуализма. Мнение, что русские, в отличие от западноевропейцев и тем более американцев, ставят коллективистские ценности намного выше индивидуалистических, встречается настолько часто, что его можно считать тривиальным. Сравнительные этнокультурологические исследования в общем подтверждают эту точку зрения. Англо-саксонские страны (США, Великобритания, Австралия), где доминирует протестантская этика, характеризуются самыми высокими индексами индивидуализма, в странах Западной Европы с преобладанием католицизма индивидуализм развит слабее, еще слабее — в конфуцианских и мусульманских странах Азии и в православной Восточной Европе. *При слабости индивидуалистических ценностей «человек, сделавший себя сам» воспринимается большинством окружающих как выскочка, который делает свою карьеру, «идя по головам».* Естественно, что в таких условиях бизнесмен классического типа как единоличный лидер выглядит аномалией, антиобщественным элементом.

Существует ли, в российской экономической культуре качественное разграничение «честного» и «нечестного» бизнеса? И на этот вопрос также придется дать отрицательный ответ. Дело отнюдь не сводится к тому, что в советскую эпоху жажда богатства клеймилась как моральное извращение. Характерная деталь: в классической русской литературе XIX в. нет буквально ни одного вполне положительного образа предпринимателя, зато отрицательных — сколько угодно. Дореволюционные русские писатели, от А.С. Грибоедова до А.П. Чехова, считали людей, отдавших свои силы презренной материальной наживе, «мертвыми душами», рядом с которыми даже лентяй Обломов выглядит положительным персонажем*. Ничего похожего на поэтизацию предпринимательства в духе О. Бальзака, Дж. Лондона и Т. Драйзера в отечественной литературе нет и в помине. Схожую картину рисует знакомство с русским фольклором: среди народных пословиц многие осуждают погоню за богатством (сошлемся лишь на общеизвестное «От трудов праведных не наживешь палат каменных»), но трудно найти ее одобряющие. О чем-либо похожем на «Поучения Простака Ричарда» Б. Франклина не может быть и речи. Можно, видимо, утверждать, что *традиционная российская экономическая ментальность в принципе не знает понятия*

Характерный пример — история создания «Мертвых душ»: пока Н.В. Гоголь описывал «хищников-приобретателей», его талант не знал препятствий, но когда автор захотел во втором томе показать «добродетельного откупщика», труд оказался бесплодным.

«честная нажива» и склонна негативно оценивать любые способы индивидуалистического обогащения. Конечно, в советский период это осуждение не могло не усилиться, но семена падали на хорошо подготовленную почву.

В принципе современная ситуация в российском бизнесе не так уж сильно отличается от ситуации в той России, «которую мы потеряли». Специалисты по экономической истории хорошо знают, что отечественные предприниматели дореволюционного периода также не служили образцом морального образа действий. «Рентоискательство» у власть имущих, обман покупателей и продавцов, ложные банкротства были вполне обыденными явлениями, а «честный бизнес» конфессиональных меньшинств (старообрядцы, евреи) — исключением, подтверждающим общее правило. Современное развитие бизнеса происходит, однако, в условиях более низкой правовой защищенности (у «купцов-аршинников» взятки мог вымогать городничий или городской, но не уголовный рэкетир), потому девиантное поведение предпринимателей проявляется в более явных, откровенных формах, чем в дореволюционный период.

Криминальность бизнеса как следствие культурологического стереотипа. Говорят, будто с падением коммунистического режима исчезли и «советские» предрассудки о «греховности» индивидуального обогащения. На самом деле российская традиция этического осуждения погони за богатством не исчезла, а приобрела превращенную форму.

«Прорабы реформ» были в известном смысле революционерами, стремясь сделать индивидуалистический бизнес вместо третируемой аномалии одобряемой нормой. Но, как это часто бывает у революционеров, они, не замечая того, находились в плену у тех культурных норм, с которыми боролись. Изначально, в полном соответствии с российской традицией, *либеральные радикал-реформаторы не видели принципиальной разницы между «честным» и «бесчестным» бизнесом, равно приветствуя любое частное предпринимательство. При отсутствии этики бизнеса и господстве представлений о заведомой аморальности бизнеса это было воспринято (не могло не быть воспринято) как разрешение «делать деньги» любыми средствами* *.

Предпринимательство стало легальным и официально одобряемым, однако культурологический стереотип, представляющий занятие бизнесом как этическую аномалию, продолжает действовать. Человек, решившийся стать предпринимателем, сразу попадает в ситуацию морального вакуума: для подавляющего большинства россиян бизнес (любой бизнес!) однозначно ассоциируется не столько с «трудолюбием» и «инициативностью», сколько с «нечестностью» и «обманом». Начинаящий предприниматель априори подвергнут со стороны общества моральному осуждению, и сам себя осознает стоящим за чертой общепринятых норм. *Поскольку бизнесмен обречен (независимо от своего личного поведения) олицетворять для сограждан вора и жулика, то у него отсутствуют этические «тормоза»**. Заранее «осужденный», он с легкостью совершает проти-*

* Мы исходим из предпосылки, что реформаторами руководили идейные, а не узко своекорыстные мотивы. Если же трактовать радикальные реформы как серию преступлений, сознательно совершаемых жаждащими денег и власти демагогами, то наше объяснение будет относиться не к правящей элите, а к избирателям, одобряющим своим молчаливым согласием подобные мероприятия.

** Приведем один маленький, но красочный пример, показывающий этические нормы современных отечественных бизнесменов. В своих воспоминаниях А. Паникин, один

Особенности национального рекета: история и современность

воправные действия: его уже подвергли моральному остракизму, и потому действительно совершаемые правонарушения мало вредят его репутации.

Таким образом, главную причину криминальности российского бизнеса и, соответственно, слабости легальной защиты прав бизнесменов мы видим не столько в ошибках правящей элиты, сколько в принципиальной рассогласованности ценностей классического либерализма и российских культурных традиций*. Попытка механически привить к российской «почве» западную модель индивидуалистического бизнеса оборачивается тотальной криминализацией экономики. Российская экономическая этика неизбежно провоцирует развитие в процессе рыночных реформ криминального капитализма, который, в свою очередь, закрепляет стереотип аморальности предпринимательства. Образуются порочные круги (рис. 1), обрекающие отечественного предпринимателя на незавидную роль «чужого среди своих», к которому испытывают сложную смесь чувств зависти и брезгливости, и к которому ни официальные лица, ни рядовые граждане не торопятся прийти на помощь.

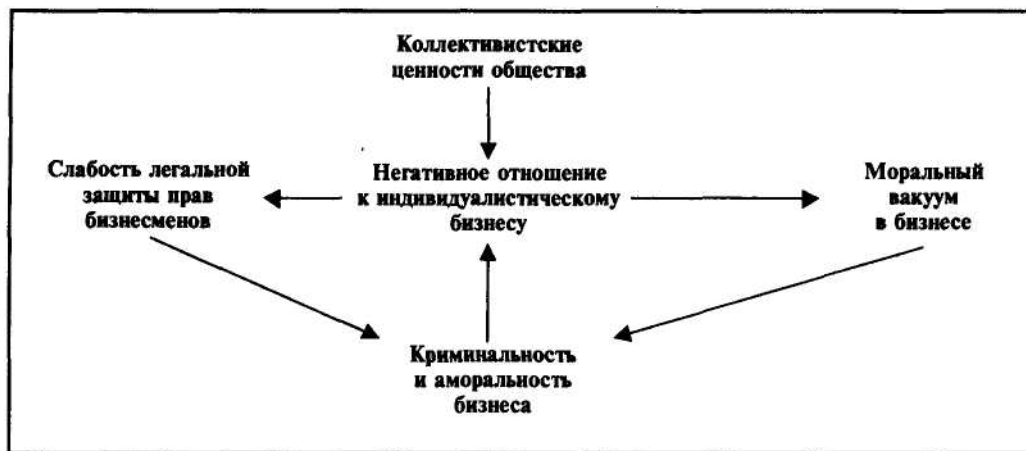
Незаконная защита прав собственности в советском и постсоветском бизнесе: бандиты как правоохранители

В условиях, когда предприниматель не может рассчитывать на сколько-нибудь существенную поддержку официальных инстанций в защите своих прав собственности, ему приходится искать суррогаты государственной системе. Спрос

из предпринимателей «первой волны» 1980-х гг., так пишет о начале своей карьеры в бизнесе: «Мне всегда нравилось придумывать способы зарабатывания денег. Первый опыт состоялся еще во втором классе. Далекий 1958 год. Изобретенная мной нехитрая проволочная ловушка не давала монетам сваливаться в поддон уличного телефонного аппарата. Когда на вызов не отвечали и соединения не было, они накапливались в приемнике. Утром ставил капканы, после занятий собирал добычу» [Паникин 1997, с. 156]. В этом признании шокирует не то, что известный бизнесмен в детстве воровал пятаки (у кого не было грехов юности?), а то, что началом своего бизнеса он считает именно этот эпизод. Всем известен американский миф о малолетнем чистильщике обуви, который затем стал миллионером. Наши «мальчишки», как видно, считают началом своих миллионов, образно выражаясь, не те центы, что были уплачены обладателями чистых ботинок, а те, что были украдкой вытащены из карманов зазевавшихся клиентов.

* Знаменитый американский экономист М. Фридмен объяснял рост преступности в США 1950-х — 1970-х годов схожим образом — изменением общественных представлений о богатстве и бедности. Согласно традиционным для Америки нормам протестантской этики, бедность или богатство есть результат собственных пороков или заслуг индивида. Когда же стало распространяться представление, будто бедность отдельных людей есть порок общества, а богатство — своеобразный «выигрыш в общественной лотерее», то появилось много желающих изменить результаты этой лотереи, отнимая чужую собственность [Friedman 1984, p. 134—135]. Современная ситуация в России отличается от описанной М. Фридменом тем, что в нашей стране практически всегда бедность считалась меньшим пороком, чем богатство, а потому контраст богатства и бедности создавал гораздо более криминогенную обстановку.

Рисунок 1. Порочные круги отчуждения российского бизнеса от общества

на нелегальную защиту прав собственности бизнесменов не мог не породить предложения. Сформировавшаяся в России теневая система защиты прав собственности получила название «крыша», которое на протяжении 1990-х годов постепенно входит в международный лексикон, как ранее в него вошли «колхоз», «ГУЛАГ» и «спутник».

Можно выделить три направления «крышестроительства»: использование покровительства организованной преступности («бандитские крыши»), создание частных служб безопасности (коммерческие «крыши») и, наконец, использование неформального покровительства официальных правоохранительных органов («милицейские крыши»)*. В каждом из этих случаев наблюдается *ползучая приватизация правоохранительной деятельности* — перетекание реального выполнения этой функции в руки внесударственных институтов.

Исторически и логически первичной формой теневой защиты прав собственности предпринимателей в России могла быть только «бандитская крыша». Как уже указывалось в начале данной главы, предпринимательство в России стало зарождаться еще в советский период, когда примерно с 1960—1970-х гг. «цеховики» и спекулянты начали создавать настоящие подпольные фирмы. Естественно, новоиспеченные «буржуи» сразу оказались под пристальным вниманием отечественного криминалитета. Первоначально отношения между подпольными миллионерами и уголовниками повторяли сюжет «Золотого теленка», причем для облегчения мошны новоявленных Корейко использовались методы не столько артистического Остапа Бендера, сколько недалекого Паниковского. Когда бандиты «наезжали» на теневых дельцов и забирали у них все, что только можно, те, понятное дело, не рисковали обращаться в милицию. Однако противостояние теневых предпринимателей и криминалитета долго продолжаться не могло, поскольку объективно не было выгодно ни тем, ни другим.

* Теоретическое осмысление института нелегальной защиты прав собственности представлено в работах [Волков 1999а; Волков 1999б; Конкуренция 2000].

Важным рубежом в экономической истории отечественной организованной преступности стала совместная сходка «воров в законе» и «цеховиков» в 1979 г. в Кисловодске, когда неорганизованные поборы были заменены плановой выплатой подпольными предпринимателями 10 % от их доходов в обмен на гарантированную безопасность от преступного мира [Гуров 1990, с. 169]. «Кисловодская конвенция» первоначально действовала только в южных регионах СССР, где подпольное предпринимательство цвело особенно пышно, но затем постепенно стала тем образцом, по которому строились отношения теневых предпринимателей с уголовниками и в других регионах.

С тех пор и по сей день основным видом доходов российской организованной преступности остается рэкет — взимание поборов за безопасность сначала с нелегальных, а с конца 1980-х годов — и с большинства легальных предпринимателей. Поскольку новоиспеченные предприниматели не получали сколько-нибудь существенной правовой поддержки (статья Уголовного кодекса, объявляющую предпринимательство уголовным преступлением, отменили лишь в декабре 1991 г.), они были обречены оказаться «в объятиях» мафии. К середине 1990-х годов под контролем «бандитских крыш» находилось, по некоторым оценкам, около 85 % коммерческих предприятий — в сущности все, кроме занятых охранным бизнесом или работающих под прямой протекцией правоохранительных органов [Гуров 1995, с. 315]. Впрочем, подобную оценку можно считать существенно завышенной по принципу «у страха глаза велики»: по данным социологических опросов предпринимателей, с силовыми вымогательствами сталкиваются только 30—45 % [Радаев 1998, с. 84]. Это можно объяснить тем, что подавляющая доля предприятий являются крайне мелкими и неустойчивыми, поэтому у их руководителей не возникает особой нужды в защите, а у бандитов — желания обкладывать их данью.

Введенная «кисловодской конвенцией» бандитская «десятина» превратилась в устойчивый компонент издержек российского предпринимательства: в начале 1990-х годов А. Лившиц оценил потери коммерческих структур от рэкета той же цифрой — 10 % [Лившиц 1994, с. 114]*. Когда криминальные авторитеты помогают своим подопечным «налаживать отношения» с нерадивыми должниками, то «крыша» забирает еще 50 % от суммы возвращенного долга. Поскольку использование альтернативных легальных институтов в защите прав собственности предпринимателей остается крайне малорезультативным, подобные тарифы признаются приемлемыми. Возмущение у бизнесменов вызывают не регулярные платежи как таковые, а нередкие случаи, когда криминальные правоохранители теряют чувство меры и назначают за свои услуги слишком высокую дань, либо стремятся полностью подчинить контролируемые фирмы. Если же криминальные правоохранители имеют «чувство меры», то российские предприниматели сами ищут с ними контакт, не дожидаясь визита криминальных «инспекторов» [Шабалин 1996, с. 92; Сафонов 2000, с. 208].

К середине 1990-х годов в России сформировалась настоящая система «криминальной юстиции», выполняющая функции полиции, арбитража и судебных исполнителей. Высокая плата за ее услуги во многом компенсировалась

* В литературе встречаются и более высокие оценки средней величины охранной дани - 20-30 % прибыли [Сафонов 2000, с. 104].

скоростью и безусловностью решений. Механизмы деятельности этой системы станут более-менее известны еще не скоро, поскольку никто из ее участников не заинтересован в разглашении тайн «первоначального капиталистического накопления»*. Известен лишь результат: уголовный рэкет, по свидетельству предпринимателей, смог снизить накал «государственного» рэкета (вымогателей из санэпидемстанций, налоговых и пожарных инспекций, ОБХСС и т. д.) [Боровой 1993, с. 104]. Новорожденный российский бизнес получил минимально приемлемые условия для своего развития.

Отношения предпринимателей и криминальных правоохранителей с самого начала существенно варьировались в зависимости от масштабов фирм. Мелкие предприниматели не в силах использовать какие-либо альтернативные механизмы защиты своих прав, и потому они наиболее беззащитны перед мафиозным «беспределом». Свободно выбирать, покровительство какой группировки более выгодно, предприниматель не может, поскольку рэкет-бизнес организован по принципу локального монополизма типа картеля. Единственная «инстанция», в которой теоретически можно обжаловать действия слишком нахрапистого «защитника», — это криминальный авторитет более высокого ранга, контролирующий данную территорию или вид бизнеса. Довольно действенной защитой от чрезмерных посягательств для многих предпринимателей служит сама незначительность их бизнеса, не вызывающая особого аппетита у бандитов и позволяющая при необходимости уйти из зоны контроля «отморозков».

Чем крупнее фирмы, тем чаще «бандитская крыша» становится лишь одним из субститутов, наряду с частными службами безопасности и «милиейскими крышами». Для большого бизнеса бандитские авторитеты становятся обыкновенными наемниками, которых используют для отдельных поручений. Характерна в этом отношении судьба знаменитого «вора в законе» В.И. Иванькова («Япончика»): в конце 1960-х — начале 1970-х годов он в составе банды Г.А. Карькова («Монгола») грабил цеховиков, ювелиров и антикваров; в начале 1980-х годов «Япончик» этим промыслом занимался уже во главе собственной банды; в начале 1990-х гг. он эмигрирует в США, где в 1995 г. был арестован за выбивание долгов для банка «Чара». Эту криминальную биографию можно считать своего рода символом изменения ролей во взаимоотношениях отечественных бизнесменов и бандитов.

Усиливающаяся конкуренция между «коммерческими» и «милиейскими крышами» неизбежно ведет к тому, что после бурного всплеска первой половины 1990-х годов криминальное силовое предпринимательство постепенно возвращается к исходной ситуации, существовавшей до легализации бизнеса. К концу 1990-х годов под «бандитскими крышами» остаются в основном те сегменты рынка, где высока доля нелегальных операций и где оплата происходит наличными (прежде всего это сфера розничной торговли). Сохранению «бандитских крыш» в ситуациях, когда их использование становится для бизнесмена невыгодным, способствовал нерыночный характер взаимоотношений между «защитником» и охраняемым, которому крайне трудно разорвать ранее зак-

* Первое и пока единственное в России исследование, где рассматриваются проблемы нашей криминальной юстиции — это книга П.А. Скобликова [Скобликов 2001].

люченный контракт с мафией без помощи альтернативных правоохранительных служб (по принципу «вход — рубль, выход — два»)*.

Негосударственная полулегальная и легальная защита прав собственности в постсоветском бизнесе

Защита бизнесменов — дело рук самих бизнесменов. Монополия бандитов на охранный бизнес стала давать трещины, когда в начале 1990-х гг. в бизнес пошли уже не отчаянные авантюристы, а бывшие номенклатурщики высоких рангов. «Бандитская крыша» хороша для защиты от мелкой шпаны и от других уголовников, но вряд ли ей по плечу противодействие используемым крупным бизнесом современным методам «грязной» конкуренции, включающим воровство информации, переманивание специалистов, силовое устранение конкурентов руками наемных киллеров и т. д. Поэтому крупный бизнес предъявил спрос на «крыши», чьи работники имеют не только грубую силу, но и ум, умение использовать специальную аппаратуру, многие особые навыки. Одновременно появилось и предложение нужных кадров: после крупных реорганизаций КГБ/ФСБ, МВД и армии из силовых структур толпами стали уходить многие профессионалы, желающие найти новую работу в соответствии со своей квалификацией, но за «настоящие деньги»**. Первые частные охранные агентства сформировались еще в 1991 г. под вывеской сыскных бюро, в 1992 г. частная охранная деятельность была официально узаконена. Таким образом, охрана легальных предпринимателей быстро сама стала одной из отраслей предпринимательской деятельности, дающей занятость десяткам тысяч специалистов.

Использование услуг частных охранников — из собственной службы безопасности или нанятых из агентства имеет ощутимые преимущества в сравнении с «бандитской крышей». Во-первых, их услуги обходятся заметно дешевле: если бандиты за возврат долга берут 50 %, то частные агентства — 15—40 % [Полянский 1996, с. 20]. Во-вторых, почти отсутствует риск, что защитник решит «подмять» того, кого он защищает. В-третьих, нет моральных издержек от сотрудничества с уголовниками (впрочем, эти соображения волнуют наших предпринимателей, кажется, менее всего). Слабой стороной использования этой формы защиты является необходимость постоянных весьма немалых расходов на оплату квалифицированных специалистов и на специальное оборудование — независимо от того, есть ли необходимость в их использовании в данный момент времени. Данная ситуация отчасти схожа со страховкой: платежи идут, а страхового случая может не наступить. Однако в отличие от страховки само наличие служб безопасности предотвращает возможные покушения на права собственности.

* Согласно данным организованного В.В. Радаевым социологического опроса предпринимателей, 3/4 тех, кто начал платить рэкетирам при создании своей фирмы, не находят сил впоследствии освободиться от них [Радаев 1998, с. 84].

** Есть версия, что переход многих офицеров в коммерческие службы безопасности был частью целенаправленной политики спецслужб по установлению контроля над бизнесом в корыстных целях [Waller, Yasmann 1995].

Можно усомниться в правомерности рассмотрения «коммерческих крыш» как разновидности нелегальной защиты прав собственности. Однако специалисты указывают на сходство методов их работы именно с криминальными силовыми структурами — угрозы распространения компромата на противников, постоянные контакты с бандитами в поисках приемлемого консенсуса. Проверка частных охранных фирм, проведенная МВД во второй половине 1998 г., показала, что каждое пятое из них занималось незаконной деятельностью [Демин 1998]. Еще более криминализированной может быть работа служб собственной безопасности крупных фирм, поскольку они работают на одного клиента и избавлены от пристального надзора МВД. Официальный статус «коммерческих крыш» все же является сильным ограничителем использования ими откровенно «грязных», нелегальных методов.

Легальные стражи порядка в роли нелегальных защитников прав собственности. Последним словом в силовом предпринимательстве стало исполнение ролей нелегальных защитников прав собственности самими официальными стражами порядка. Конечно, определенная связь бизнеса с работниками МВД и иных органов наблюдалась еще в советские времена, когда теневые предприниматели были вынуждены подкупать стражей порядка, чтобы те глядели на их деятельность сквозь пальцы. Однако к концу 1990-х годов ситуация принципиально меняется: нелегальные услуги работников охраны порядка используют легальные предприниматели, причем речь идет уже не об оплате невмешательства, а о выполнении за плату того, чем эти работники должны были бы и так заниматься по долгу службы.

Важную роль в вовлечении официальных служителей закона в коммерческую правоохранительную деятельность сыграли охранные агентства: отставные сотрудники органов сохраняли активные контакты с оставшимися на службе, используя их возможности за дополнительную плату. Сблазненные высокими доходами своих бывших коллег, которые не шли ни в какое сравнение с весьма скудной зарплатой работников милиции и иных органов, официальные стражи порядка постепенно стали по собственной инициативе использовать свое служебное положение для неофициальной правоохранительной деятельности на коммерческих началах. В создавшихся условиях такой выбор, с экономической точки зрения, абсолютно оправдан; немалое количество «чудаков», занимающихся охраной порядка исключительно за зарплату, своим существованием лишь доказывают, что в России еще далеко не все ведут себя в соответствии с моделью «человека экономического».

«Милицейская (фээсбэшная, руповская и т. д.) крыша» является, с точки зрения нуждающихся в защите предпринимателей, наилучшей разновидностью силового предпринимательства. Как и при использовании услуг охранных агентств, защита оказывается за более низкую плату и с меньшим риском для самого бизнесмена. Качество же защиты оказывается еще более высоким: работающие в органах могут бесплатно использовать служебные базы данных и спецоборудование, легко маскировать выполнение заказов своих клиентов ретивым выполнением прямых служебных обязанностей (например, устраивать «охоту» именно на тех бандитов, которые угрожают опекаемым ими бизнесменам). Поэтому помощь «милицейских крыш» превращается в дефицитное благо, которое распределяется не столько по рыночному принципу «кто больше запла-

Особенности национального рекета: история и современность

тит», сколько по советскому принципу «своим людям» (тем, кто имеет своих, лично знакомых людей в органах) [Сафонов 2000, с. 112].

Законность действий нелегальных защитников бизнеса из числа людей в мундирах весьма относительна. Не говоря уже о незаконности самого использования служебного положения в целях личного обогащения, многие работники органов с избытком используют в этой роли те «милые» традиции советских времен, которые уже давно заставляют простого обывателя бояться милиции едва ли не сильнее бандитов, — избивание задержанных, фальсификацию улик, выбивание признаний побоями и т. д. «Милицейские крыши» могут использовать силовые методы, пожалуй, даже несколько свободнее «бандитских крыш», поскольку официальные лица имеют вполне законное право на применение насилия, границы которого определены законодательством довольно расплывчато. В крайних своих проявлениях оказание нелегальных правоохранительных услуг работниками органов ведет к появлению настоящей «милицейской мафии».

Совмещение функций официальных и неофициальных стражей порядка определенным образом трансформирует отношение работников органов к преступникам. С одной стороны, рэкетеры начинают рассматриваться как коммерческие конкуренты, бороться с которыми надо уже не за страх и не за совесть, а за собственный кошелек. С другой стороны, защитники порядка в мундирах теряют интерес к качественному уменьшению рискованности бизнеса, поскольку это вызвало бы снижение спроса на их неофициальные услуги. Формируется *государственно-уголовный паритет* [Радаев 1998, с. 94], когда государственные служащие становятся своеобразными партнерами уголовников, играя с ними в одни «игры» как партнеры, а не противники.

Плюралистическая система защиты прав собственности. Таким образом, к концу 1990-х гг. в России сложилась «плюралистическая» система защиты прав собственности, в которой легальная государственная правоохранительная деятельность дополняется (а во многом, заменяется) двумя разновидностями нелегальной и одной легальной, но не государственной. В табл. 6 показаны основные сравнительные особенности различных существующих в современной России институтов защиты прав собственности предпринимателей.

Поскольку разные системы защиты прав собственности конкурируют друг с другом, у предпринимателей появляется определенная возможность выбора той из них, которая представляется ему наиболее оптимальной. Конечно, говорить о рынке правоохранительных услуг можно лишь с большими оговорками, поскольку «обменять» менее эффективную систему на более эффективную, мягко говоря, очень не просто. Как уже указывалось, отказаться от ставших обременительными услуг «бандитской крыши» крайне тяжело, а добиться услуг «милицейской крыши», наоборот, весьма трудно. И все же конкуренция «крыш» существует: начинающий предприниматель стремится получить правоохранительные услуги от той структуры, которая в данных конкретных условиях места и времени будет наиболее выгодной. Наличие хотя бы потенциальных альтернатив умеряет аппетиты любого из «силовых предпринимателей», который пожелал бы взимать слишком высокую охранную дань.

Строго говоря, некоторый плюрализм правоохранительной деятельности отнюдь не является российской аномалией. Все, кто знаком с проблемами западной юстиции хотя бы по переводным детективам и голливудским боевикам, хорошо знают, что в развитых странах есть и работающие по лицензии частные

Таблица 6. *Альтернативные механизмы защиты прав собственности предпринимателей в постсоветской России*

Характеристики	Официальная правовая система	«Бандитская крыша»	«Коммерческая крыша»	«Милицейская крыша»
Субъекты	Официальные лица из правоохранительных органов	Представители организованной преступности	Охранные агентства, собственные службы безопасности	Официальные лица из правоохранительных органов
Объекты	Все легальные предприниматели	Преимущественно мелкие и нелегальные предприниматели	Крупные легальные предприниматели	Легальные предприниматели, имеющие личные связи с работниками правоохранительных органов
Уменьшающиеся издержки	Незначительны	Угрозы неорганизованной преступности Риск несоблюдения контрактов Вымогательство государственных чиновников	Угрозы организованной и неорганизованной преступности Риск несоблюдения контрактов Вымогательство государственных чиновников	Угрозы организованной и неорганизованной преступности Риск несоблюдения контрактов Вымогательство государственных чиновников
Дополнительные издержки	Налоги Издержки административного контроля	Охранная дань Оппортунистическое поведение «защитников»	Заработная плата охранникам Специальное оборудование	Доплата к зарплаткам работников правоохранительных органов

сыскные и охранные агентства, и внутренние службы безопасности крупных корпораций, и даже «вольные охотники», отлавливающие за вознаграждение объявленных в розыск правонарушителей. Принципиальное различие между отечественной ситуацией и зарубежной практикой в другом — в обществах с устоявшимися правовыми традициями чисто коммерческие системы охраны собственности всегда дополняют государственную систему юстиции, но ни в коем случае не вытесняют ее. Причина этого вполне очевидна: коммерческие системы охраны лучше служат интересам большого бизнеса, мелким же предпринимателям они просто не по карману, и полная коммерциализация силовой защиты обрекает мелкий бизнес на роль клиентов мафиозного рэкета.

Конечно, мафиозная защита — лучше, чем полное отсутствие защиты. И все же система преобладания «бандитских крыш» и других не вполне легальных форм является только временным суррогатом нормальной системы защиты прав собственности, которая возможна лишь на основе доминирования государственных силовых структур. В последние годы уже четко обозначился вектор усиления их роли (красноречиво хотя бы то, что сам Президент вышел именно из этих структур), но до превращения государственной юстиции в неоспоримого лидера правоохранительной деятельности пройдет еще немало времени.

Литература

- Айдинян Р., Гилинский Я.* Функциональная теория организации и организованная преступность // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М.: Олимп, 1997.
- Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: Изд-во Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.
- Безгодов А.В.* Очерки социологии предпринимательства. СПб.: Изд-во «Петрополис», 1999.
- Боровой К.* Цена свободы. М.: Изд-во «Новости», 1993.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Волков ВВ.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999а. № 1.
- Волков В.В.* Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999б. № 10.
- Гордеев А.А.* История казаков. М.: «Страстный бульвар», 1991.
- Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990.
- Гуров А.* Красная мафия. М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995.
- Демин В.* Силовые методы российского бизнеса, http://www.bdi.spb.ru/6-98/sil_method.htm.
- Дюамель Л.* Экономическая преступность как стимул экономических и политических реформ в России (по материалам российской прессы) // Социально-политический журнал. 1997. № 3.
- Зомбарт В.* Буржуа. М.: Наука, 1994.
- Конкуренция за налогоплательщика. Исследования по фискальной социологии. Под ред. *ВВ. Волкова*. М.: МОНФ, 2000.
- Латов Ю.В.* Экономический анализ организованной преступности. Лекция к спецкурсу «Теневая экономика». М.: ЮИ МВД России, 1997.
- Латов Ю.В.* Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- Лившиц А.* Экономическая реформа и ее цена. М., 1994.
- Неформальный сектор в российской экономике. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998.
- Олсон М.* Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- Ослунд А.* «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8.
- Паникин А.* Записки русского фабриканта // Новый мир. 1997. № 11.
- Полькен К., Сцепоник Х.* Кто не молчит, тот должен умереть. М.: Мысль, 1988.
- Полянский А.* Выше «крыши» // Эксперт. 1996. № 2.
- Притцль Р.* Коррупция, рентоориентированное поведение и организованная преступность в России // Политэконом — Politekonom. 1997. № 1.
- Радаев В.В.* О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10.
- Радаев ВВ.* Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.
- Сафонов В.Н.* Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: СПБИНВЭСЭП; Об-во «Знание», 2000.

- Скоблицов П.А.* Имущественные споры и криминал в современной России. М.: Дело, 2001.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.
- Устинов В.С.* Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1993.
- Шабалин В.А.* Организованная преступность в России: взгляд из Америки // Государство и право. 1996. № 1.
- Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 1. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. М.: РГГУ, 1999.
- Эндерсон Э.* Организованная преступность, мафия и правительство // Экономика и организация промышленного производства. 1994. № 3.
- Эндерсон Э.* Организованная преступность, мафия и правительство // Политэконом — Politekonom. 1997. № 1.
- Economics of Organized Crime. Cambridge University Press, 1995.
- Fish M.S.* The Roots of and Remedies for Russia's racket economy // <http://socrates.berkeley.edu/~brie; www/courses/sc/cp22/fish.html>.
- Friedman M. and R.* Tyranny of the status quo. San Diego, 1984.
- Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand // American Economics Review. May 1997. (С текстом этой статьи можно ознакомиться по Интернету по адресу: <http://papers.nber.org/papers/W5856.pdf>.)
- Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C.* Why Do Firms Hide? Bribes and Unofficial Activity after Communism // Journal of Public Economics. Vol. 76. 2000. June. (<http://www.hhs.se/site/Publications/Nol50web.pdf>).
- Polanyi K.* Great Transformation. Chicago, 1944.
- Waller J.M., Yasmann V.J.* Russia's Great Criminal Revolution: The Role of the Security Services // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 11. № 4. December 1995 (<http://www.afpc.org/issues/crimrev.htm>).